

Б. Докторов

Валерий Голофаст. *Независимый ум*

Все повторяется сначала,
И без конца, и без конца
Гондолой бьется у причала
Венецианского дворца.
История, народы, солнце,
радиокрик чужих миров,
И переполненное полнится,
Не выходя из берегов.

В. Голофаст. Начало 60-х. Ленинград

Я благодарю моего коллегу Олега Божкова, много делающего для изучения наследия Валерия Голофаста, брата Валерия – Георгия Голофаста, дочь – Оксану Голофаст и друзей – Марата Бузовского и Владимира Трякина за присланные мне материалы. Мне приятно выразить благодарность Андрею Алексееву и Наталии Мазлумяновой за их отзывы и замечания.

Настоящая работа продолжает ряд моих публикаций в журнале “Социальная реальность”, посвященных становлению советского / российского социологического общества. Я имею в виду статью о жизни и творчестве Ю. Левады [Докторов. 2007] и интервью с представителями разных поколений работающих социологов: Еленой Петренко [“Социологический поворот...” 2007], Михаилом Тарусиным [“Мы формировались...” 2007], Францем Шереги [“У нас был “генетический” иммунитет недоверия...” 2007] и Владимиром Шляпентохом [“Советские социологи лучше американцев...” 2006]. Более обстоятельно эта тема рассматривается в материалах рубрики “Современная история российской социологии” петербургского журнала “Телескоп”. К настоящему времени там опубликовано свыше двадцати интервью, проведенных мною с ведущими российскими социологами. Но наиболее полная коллекция материалов об отечественных социологах представлена на сайте российско-американского проекта “Международная биографическая инициатива”: это свыше сотни различного вида биографических текстов, а также статьи аналитического характера [Проект “Международная биографическая инициатива”].

Изучение биографий социологов рассматривается мною как часть большой работы по исследованию и написанию истории современной, или постхрущевской, российской социологии. В моем понимании история должна не только отражать то, что было сделано за пять десятилетий советскими / российскими социологами, но по возможности подробно рассказывать о них самих.

Анализ жизни и творчества Валерия Борисовича Голофаства (1941–2004) позволяет увидеть некоторые существенные детали становления отечественной социологии и в частности – затронуть тему поколений в нашем социологическом сообществе. Я не ставлю перед собою задачу целостного изучения биографии Голофаства; меня прежде всего интересует его путь в социологию. При анализе биографий деятелей культуры стало нормой обращение к периоду их ранней социализации и процессу профессионали-

зации; другими словами, биографической информации присваивается статус историко-культурологической. Сейчас я не говорю о масштабах талантов и роли в истории того ли иного творца, но отмечаю собственно методологию историко-научных поисков, признающую целостность, неразрывность личного и творческого в человеке. В силу молодости современной российской социологии и ввиду ряда других обстоятельств наша наука пока не осознала в полной мере необходимости широкого культурологического анализа биографий тех людей, кто стоял у ее истоков, видя в этих жизнеописаниях лишь нечто сугубо приватное, не детерминирующее особенностей профессиональной деятельности социолога. Мне думается, что, не изменив подобного отношения к изучению биографий социологов, мы не только не ответим на многие принципиальные вопросы истории нашей социологии, но у нас даже не возникнет стремления их сформулировать.

* * *

В очерке о В. Голофастве представляется обоснованным и естественным обращение к общеметодологическим вопросам изучения биографии и использования биографического материала в исторических исследованиях. Геннадий Семенович Батыгин и Валерий Борисович Голофаств одними из первых в современной российской социологии обратили внимание на возможность использования биографического метода при анализе социальной реальности и начали систематически разрабатывать методологию изучения биографий. Для обоих обращение к биографиям было средством познания прошлого. Однако если Батыгин изучал биографии, чтобы лучше понять и описать историю, то Голофаств обращался к прошлому людей, то есть к истории, чтобы лучше понять процесс социализации человека. И в данном случае не столь важно, что первый занимался историей социологии, а второй – историей ряда поколений советских людей.

Кроме того, представляется, что Батыгина прежде всего интересовал институциональный и коммуникационный аспект науки. В частности, его последние работы касались этих проблемных сфер, и потому биографический под-

ход становился у него одним из методов исследования функционирования социального института. Голофастан более привлекало познание частной жизни людей, в его социологических изысканиях биографический метод был антропологическим инструментарием. Оба они были лишь в начале своих поисков, и потому трудно сказать, в каком направлении развивалась бы их работа.

Коллективная монография «Социология в России» под редакцией В. Ядова [Социология в России. 1998], книги Г. Батыгина [Российская социология шестидесятых годов... 1999] и Б. Фирсова [Фирсов. 2001] по истории советской социологии, ряд других работ дают возможность составить общее представление о том, как происходило становление постхрущевской социологии и что было сделано по части познания советского общества второй половины прошлого века.

Четверть века назад исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для того совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути, то сегодня проведение историко-научных исследований было бы много проще; за последние два десятилетия мы потеряли многих, кто стоял у истоков развития социологии в Москве, Петербурге и в других регионах страны, прекратил свое существование ряд давно действовавших исследовательских коллективов, в связи с переездами лабораторий и сменой руководства исчезли архивы, казавшиеся непосвященным собранием старых, потерявших свое значение документов. Но специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и налаживанию хранения материалов для будущих исследований. Современный этап скорее следует назвать «вопрошающим»: не-

обходим поиск вопросов, которые могли бы задать координаты историко-научных исследований, ориентировать, организовать их. Я отдаю себе отчет в сложности формулирования этих вопросов-ориентиров, но в порядке первого приближения назову следующие четыре, охватывающие достаточно широкую предметную сферу.

Прежде всего, вопрос собственно историко-научного плана: каков генезис постхрущевской социологии? Каковы особенности ее возникновения? Мне представляется, что трактовка ее как «возрождения» дореволюционной русской и постреволюционной советской социологии неточна в силу недостаточного учета исторических обстоятельств и «человеческого потенциала», в частности, особенностей профессиональной подготовки тех, кого мы сейчас называем создателями советской социологии. Полагаю, что вернее было бы говорить о «втором рождении» [Докторов. 2008].

Следующий вопрос можно классифицировать как научно-организационный: в какой мере первым поколениям социологов удалось создать необходимую инфраструктуру для развития науки?

Вопрос третий – научно-гражданский: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х годов отражают то, что происходило в обществе и в сознании людей?

И, наконец, каковы в действительности теоретико-методологические достижения советской социологии, позиционировавшей себя (внутри страны и для мирового научного сообщества) в качестве главной силы развития марксистской теории общества?

Как бы то ни было, без обращения к биографиям первых поколений советских социологов ответы на эти вопросы не могут быть полными.

Г. С. Батыгин и В. Б. Голофастан одними из первых в современной российской социологии обратили внимание на возможность использования биографического метода при анализе социальной реальности и начали систематически разрабатывать методологию изучения биографий

* * *

Проблема поколений является сквозной, и степень ее разработанности в значительной мере определит характер ответов на сформулированные выше вопросы. Множество исследовательских направлений обнаруживается уже при первичном анализе проблемы поколений, в частности: выявление их возрастных границ, факторы, детерминировавшие специфику допрофессиональной социализации, общее и специфическое в процессах вхождения в социологию, возможности для карьеры, особенности предметно-объектных и методических задач, оказавшихся в фокусе внимания разных поколений, и т. д.

К первому поколению советских / российских социологов постхрущевского времени отнесена небольшая по численности группа молодых в то время людей, преимущественно имевших базовое философское, экономическое или историческое образование и некоторый опыт работы по полученным специальностям. Большинство из них родились в узком временном промежутке от 1926 до 1931 года, модальный интервал – 1928–1929 годы. Это – эмпирический интервал времени рождения социологов “первого призыва”, его теоретические границы – 12-летний период от 1923 до 1934 года. Свою социологическую деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х годов, практически “с нуля”, *самостоятельно осваивая* современные для того времени теории и методы.

Второе поколение по возрасту и социально-политическим воззрениям близко к первому, но принципиально отлично от него тем, как оно входило в социологию. Годы рождения представителей этого поколения также располагаются в указанном выше 12-летию, но модальная возрастная группа, думается, на несколько лет сдвинута вправо, то есть в область меньших возрастов. Эти люди формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и социологи-шестидесятники первой волны. Однако в силу личных жизненных обстоятельств они пришли в социологию позже, став – и это главное – их первыми *учениками, последователями, единомышленниками*. Это поколение – “шестидесятники второй волны”. Следующее

12-летие (1935–1946) – годы рождения тех, кто образует третье поколение социологов, середина этого временного интервала приходится на 1940–1941 годы. Это – “военное” поколение, еще несколько лет его можно называть “шестидесятлетние”, хотя в нем уже есть и те, кто перешагнул 70-летний рубеж. Лишь самые старшие из этого поколения имеют собственный опыт восприятия событий войны, большинство же узнавало о ней от взрослых. В поколенческом опыте этой группы нет радости переживания Победы, но эти люди хорошо помнят тяготы первых послевоенных лет. Атмосфера “оттепели” осознавалась ими (могу сказать, нами) через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского поколения, публикации “Нового мира”. По характеру мироощущения эту группу можно называть “младшие шестидесятники”.

* * *

По возрасту и по типу вхождения в социологию Валерий Голофаст принадлежит к третьему поколению советских / российских социологов. Соединяя то, что мне сообщил о Валерии его младший брат Георгий Борисович, живущий в Днепропетровске, и биографическую информацию, собранную О. Божковым [Божков], о родительской семье и ранних годах жизни Валерия можно рассказать следующее.

Валерий Голофаст родился 24 марта 1941 года в Днепропетровске. Его отец был конструктором одного из днепропетровских КБ, проектировал первый сварной мост в Днепропетровске, ленинградскую телебашню, крытый стадион в Индонезии. Мать была бухгалтером, в настоящее время пенсионерка, живет в Днепропетровске. После окончания седьмого класса Валерий хотел поступить в летное училище, но не прошел медкомиссию. Любовь к технике у него началась с увлечения фотографией – отец с войны привез несколько трофейных фото- и кинокамер. Окончив школу, Валерий проработал три года на мебельном комбинате, слесарем на металлургическом заводе и отучился два курса на вечернем факультете в металлургическом институте.

В 1960 году Голофаст поступил на филологический факультет Ленинградского университета и прожил в Ленинграде отпущенные ему сле-

дующие сорок с небольшим лет, практически все это время работая в социологических структурах Академии наук.

Принимая во внимание то обстоятельство, что кандидатская диссертация Голофаства была посвящена анализу американской семьи [Голофаств. 1972], а его посмертно изданная книга озаглавлена “Социология семьи” [Голофаств. 2006-а], можно сказать, что различные аспекты развития современной семьи всегда находились в центре его внимания. Но будет много вернее сказать, что как социолога Валерия Голофаства прежде всего интересовал человек как таковой и все, что помогало понять человеческое сознание и поведение. Если попытаться определить, что располагалось в фокусе его общеметодологических и урбанистических работ, исследований по образу жизни различных групп населения, науковедческих изысканий и статей по методам социологии, то, скорее всего, мы увидим там обыденного человека в повседневном мире.

Один из его коллег и друзей Игорь Травин, вспоминая Голофаства, так сказал о его научных интересах: “У него была такая знаменитая поговорка <...> Он начинал иногда какой-то цикл, период разговора с вводного пассажа – “меня интересует”. <...> При прочих равных условиях у него интерес зачастую был, я бы сказал, шире чисто физических возможностей” [Травин. 2008. С. 9]. Согласившись с Травиным в признании широты интересов Голофаства, я выскажу предположение о природе подобного феномена. Эрудиция Голофаства, знание многих языков, постоянное стремление узнать новое, любовь к технике (механике) и астрономии в некотором смысле сближают его с учеными того времени, когда философия была единой наукой и люди, занимавшиеся ею, испытывали “любовь к размышлениям”.

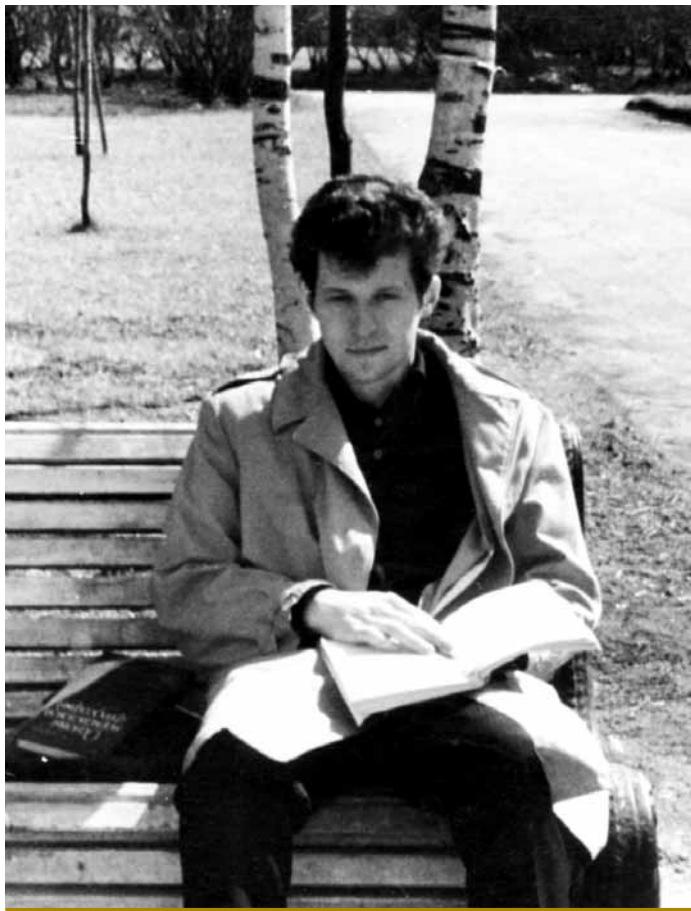
И все это началось рано. К двадцати годам Голофаств написал [Голофаств. 2006-б. С. 260–266]:

Как только темнота засветится
Зеркальными морями месяца,
Вылазят телескопов щупальцы,
И человек на небо щурится.

И человек в Юпитер метится,
Он силою с планетой меряется,
Уже выходит побеждающим
Земную жажду притяжения,
Ему за это обещающе
В награду жизни продолжение
В пространственном ее и временном
Существовании отмеренном.
Все это здорово задумано,
Но что-то мы не так делаем.
И ходят юноши задумчивые,
Как будто не хватает детства им.
И люди, жалкие и лживые,
Ослепленные желтой жилюю,
Все ходят, бродят в тьме невежества
И прикрывают это вежливостью,
И прикрывают это важностью,
И прикрывают это ваше-ством.
Не потому ли смотрят, глупые,
И по-воловы отворачиваются,
Что очи их закрыты лупами,
В которых только сено значитсся?
Все потому, что люди ленятся,
Все потому, что мало ломаются
В окошки уравнений Лоренца,
В захлебывающиеся строчки Лейбница.
Вам, юноши, о всем мечтающие,
Не только числа почитающие,
Не только денежки подсчитывающие,
Как сколько книжечки почитывающие;
Найдите где-то среди них
Срывающийся с губ моих,
Как ласточку с карниза – стих!
Как сокола с обрыва – стих!
Растите многолапым деревом!
Землею под корнями – дело вам!
Водою под корнями – знания!
И солнце над ветвями – знаменем!

Здесь есть и космос (Юпитер), и нидерландский физик Лоренц, и философ-математик Лейбниц, и лирика – извечные вопросы, которые задает себе молодой человек¹. Желание знать у Голофаства всегда было импульсом к продолжению познания. На мой взгляд, он не был всеяден, но,

¹ Подборку стихотворений В. Голофаства можно найти на сайте: http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#).

Как социолога Валерия Голофаства прежде всего интересовал человек как таковой и все, что помогало понять человеческое сознание и поведение

возможно, ощущал абсурдность сдерживания себя от погружения в то, что представлялось ему интересным.

* * *

О. Божков, который по просьбе семьи В. Голофаства разбирал его архив, отмечает, что в переписке Голофаства видны его напряженные размышления об окружающем социальном мире, в ней – море разнообразных тонких и точных наблюдений. И далее: «Думаю, что людям, с которыми переписывался Валерий, чрезвычайно повезло в жизни – они соприкоснулись с удивительным интеллектом» [Божков. 2006. С. 146–156]. Я – один из тех, кому повезло. Благодаря Божкову у меня есть, если иметь в виду объем, три-четыре печат-

ных листа наших с Голофастом электронных бесед. И это лишь часть переписки – вся она охватывает период с октября 2001 года до декабря 2004 года; последнее письмо пришло от Валерия за две ночи до его смерти...

Приведу лишь короткие фрагменты из писем Голофаства, в которых он предстает и как личность, и как исследователь.

9 февраля 2003 г.

<...> Как ты знаешь, я когда-то, сугубо дилетантски, чуть коснулся истории социологии (семьи) в Америке. И первое же впечатление, которое потом многократно подтверждалось, что это страна с усеченной историей, но... И в этом-то вся прелесть. Истоки – известны (частью письменно, частью в легендах, частью в пересказах). И пересказы очень важны, свидетельства, письма, дневники <...> Из короткой истории американцы сделали культ. Чтобы выигрышно выглядеть перед всеми новыми мигрантами тоже. Очень важная черта <...> восхождение и снижение статуса целых этнических или локальных групп, маркированное успехами их представителей, символических героев или легендарных предков, которые, однако, все реальны, хотя и чуть надуты усиленным вниманием. Внимание к личности в таких условиях нормально, как и к небольшим общинам. Итог – напряженное историческое и личное самосознание. Этого теперь нет даже в старой Европе. А у нас – в СССР, России и пр. – травилось и травилось весь XX век.

11 июня 2003 г.

Я когда-то <...> был шоссейником. объездил пол-Украины. На шоссе самое трудное – это ехать в группе.

1 января 2004 г.

<...> В общем, я не пессимист и не оптимист. Не хотелось бы быть фаталистом. Делай, что интересно, – мой скромный девиз...

10 января 2004 г.

<...> Человек живет в машинерии общества, рано или поздно, занимаясь чьей-то жизнью, обнаруживаешь и привычки, клички, особенности твоего персонажа или других людей. Но это в воображении так можно развести. В реальности поддерживается иллюзия, основанная на культуре и самом по себе живом процес-

се (истории), что все только в конкретных людях или их поступках, словах, движениях, действиях. Это дилемма – индивидуальное-общее. На ней были помешаны на рубеже XIX–XX веков. Манера науки – вычленивать общее так полностью и не принята. Поскольку есть кино, литература, теле и пр. А там принципы иные. Хотя известно, что частное должно быть свернуто в общем, иначе общее пусто, вздорно. И в поиске без частного не только не обойтись, ибо оно след, свидетельство, окошко в жизнь, но в нем немалая часть эмоций, реакций, живой плоти.

11 января 2004 г.

В Бостоне я был в нескольких церквях, даже на пасхальной службе с одной семьей. Либо пустое, либо чисто статусное светское раз в год мероприятие. Но я был в высоколбой среде. <...> Я тут как-то сформулировал, что были три волны секуляризации в прошлом Европы: Реформация, Франц. революция и наш пример. Ведь почти все протестанты на самом деле могут быть мистичны индивидуально, но они давно равнодушны к культуре, церкви, да, думаю, и к глубокой вере. А секулярные верования поверхностны или психопатичны. Интеллектуалы – те могут еще что-то искать. А все остальное – это наносное, как ветер.

25 января 2004 г.

...Единственно, что не дает мне впасть в полный пессимизм, – я заглянул на сайт выпускников школ – на самом деле самодельный форум – Днепропетровска и нашел свою школу. Но не искал свой институт-университет пока. Я ведь когда-то учился и в институте, металлургическом, бросил после 2 лет.

16 мая 2004 г.

Развлекаюсь тем, что читаю очень старую литературу Японии, до этого был Китай.

30 мая 2004 г.

Мое любимое – даосизм, ранний, поздний – напоминал алхимиков в Европе. А о раннем есть классные романы. И притчи, которым нет равных даже в народном иудаизме из Польши-Чехии 16–17 веков. Слушай, Вам там не дают бесплатно Тору на каком-либо языке? Я об этом мечтаю. Или более поздние апокрифы? Прости, если это тебя ставит в тупик. Ты же знаешь, мой интерес сугубо интеллектуальный!..

8 июня 2004 г.

...Что касается “Анны Карениной”, то она у меня лежит у изголовья. Я ее читал на ночь месяца три-четыре, теперь пауза примерно уже года полтора. <...> До университета я очень увлекался Толстым. В моей провинции я нашел в одной библиотеке 90-томное собрание и сканировал его по разным поводам. В “Карениной” потрясающе интересный быт, неправдоподобный, непредставимый уже. И странные теории насчет народа, утопических стремлений, порывов. Я когда-то любил Толстого много глубже, чем Достоевского, если сравнивать....

12 марта 2004 г.

Много лет назад у меня был интерес к любительской астрономии и телескопостроению. Я имел канал в БАН и давно знал всех библиотекарей на кафедре философии. Одна из них достала мне три тома из Пулковской обсерватории, в которых были собраны за много лет статьи из журнала *Sky and Telescope*, где был весь опыт американских любителей, начиная с войны и после, до 60-х гг. (единственный экземпляр в СССР). Один факт имеет фундаментальное значение. Во время войны потребовалось срочное производство прикладной оптики (бинокли, перископы, трубы, для авиации, флота, танков и пр.). Никакой промышленности оптической в США не было. Оптико-любители сделали все – проекты, технологию, первые линии штучного, а затем массового производства. <...> Когда-то американец изобрел суппорт для токарного станка. Это было в начале девятнадцатого века. И это стало революцией в этой технологии. Были соревнования между Европой – старой промзоной и США – еще прериями. Потом к 80-м гг. американцы сделали первые в мире сборочные линии с взаимозаменяемыми частями на своем первом часовом заводе. И посадили в лужу королей часового дела – швейцарцев, французов и пионеров этого ремесла – англичан. То есть я хочу сказать, что в Америке это была надындивидуальная культурная модель или семейство моделей.

22 сентября 2004 г.

Про праздники – ведь их традиционное обрамление бесконечно богато, рассчитано на всех, даже на детей. Это – одна из тем моих размышлений последнего времени. Я обнаружил (потом и у других), что все

теории-схемы-идеологии модернизации всегда давали слишком черно-белую картину, просто переключения от традиционного существования к другому. Возможно, структура ценностей так и переключается. Как будто человеку-обществу сдаются другие карты, и он уже играет иначе. <...> Новое расталкивает локтями старое. Специально выбираю материальные и грубые примеры, чтоб оттенить. Но то же относится к мыслям, чувствам, стремлениям, страхам, тоске и прочая. Язык слишком традиционен и груб, чтоб выразить эту смесь.

26 сентября 2004 г.

Когда я начинал заниматься биографиями, я сказал себе и своим коллегам, что от двух линий мы будем уходить в своей активности – от лагерей и репрессий и от военных воспоминаний. Первое мучительно и напряженно идеологично – требует огромной социотехнической работы с людьми, которые об этом пишут. Второе же – выдающийся пример эксплуатации государством военной темы – гигантская машина пропаганды во главе – сверху до низовых организаций – в том числе и по фабрикациям соответствующих текстов. <...> Советская власть много сделала, чтобы многие люди забыли своих предков. Включая уничтожение (и добровольное) документов об этих временах и людях. <...> В культуре (а написание – это прямой перевод в культуру) человек становится почти бессмертным. Почти, поскольку были Тойнби, Шпенглер и прочие, которые спокойно принимали факт, что культуры смертны, как и личности. Пока я живу, я могу беседовать с Конфуцием, или с Гэллэпом. Как со своей мамой. Когда она далеко.

6 декабря 2004 г.

Читал ли ты когда-нибудь Люиса Мамфорда? Я пропустил здесь издание его книг, придется искать в библиотеках. Я когда-то читал, но мало, статьи. Он философствующий историк. Любимый жанр. Очень независимый ум вроде.

Привет, В.

Это было последнее письмо, написанное мне Голофастом. Но мой мысленный диалог с ним продолжается.

* * *

Я познакомился с Голофастом году в 1973 или 1974, и с 1975 года до моего отъезда в Америку в 1994 году мы работали в соседних секторах ака-

демической организации, многократно менявшей свое название и сейчас именуемой Социологическим институтом РАН. Но лишь из приводимого ниже фрагмента его письма от 11 июля 2003 года я узнал, что в юности Валерий писал стихи. Для меня это сообщение оказалось в высшей степени значимым, лишь после него я начал понимать истоки того, что про себя многие годы называл стилем Голофаста. Речь идет не только о языке, хотя стиль во многом и задается им, но о логике видения мира.

Все произошло случайно: я спросил Валерия, не знал ли он, обучаясь на филологическом

факультете, Сергея Довлатова, и в ответном письме среди прочего прочел: “На филфаке я учился в 1960–65. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60–61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были приятелями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзов. Ушел по личным мотивам – меня завалили по языку – а это было хана пребыванию в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы”.

Может быть, именно эту смену своих жизненных планов, а также состоявшийся уход из технического вуза и начало обучения на филфаке и имел в виду Голофаст, когда за месяц до смерти писал мне: “Я тут сказал одной девушке, знаешь, можно ведь сейчас завернуть за угол и уйти

Эрудиция Голофаста, знание многих языков, постоянное стремление узнать новое, любовь к технике (механике) и астрономии в некотором смысле сблизжают его с учеными того времени, когда философия была единой наукой и люди, занимавшиеся ею, испытывали “любовь к размышлениям”

совсем в другие края, не возвращаясь... Я пару раз в жизни так делал. Правда, в другом возрасте. Я без пессимизма, учти” (17 ноября 2004 г.).

Ленинград второй половины 1950-х – 1960-х годов был городом, в котором, несмотря на многие идеологические барьеры и бытовые проблемы, велась активная литературная жизнь, существовал ряд литературных объединений и неформальных групп, куда входили молодые прозаики и поэты близких творческих ориентаций и политико-гражданских установок. Достаточно сказать, что именно в той среде формировались Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман и Евгений Рейн, Виктор Кривулин и Виктор Соснора и ряд других поэтов, несколько позже в значительной степени определивших общий уровень советской поэзии, культуры в целом.

Я ответил Валерию, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекающимся дружеским компаниям. После смерти Валерия я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаства гениальными, и назвал сайт, на котором опубликованы его воспоминания о Валерии и несколько стихотворений Голофаства. Приведу крошечный фрагмент из воспоминаний Кузьминского, как мне представляется, чрезвычайно важный для понимания Голофаства не просто как социолога, но и как представителя

одного из типов социологов третьего поколения: “...Стихи, с которыми он пришел, были – уже – написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность – вот философичность – то, по-моему, Голофаства и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаства не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем – дошел бы до полного самоотрицания. А так – хоть подышал. <...> Голофаства я встретил перед отъездом в “Сайгоне”, поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он – потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Но ощущение большего знания – у меня

осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел?..” [Голофаств. 2006-б].

***

О том периоде, когда Голофаств начинал писать стихи, вспоминают друзья его юности. Вот слова его брата: “Стихи начал писать в старших классах, начинал с переводов Шевченко на русский язык. Ходил в литературную студию во Дворце студентов <...>. Под влиянием руководителя студии Валерий отослал стихи на творческий экзамен в Литературный институт имени Горького”.

Желание знать у Голофаства всегда было импульсом к продолжению познания. На мой взгляд, он не был всеяден, но, возможно, ощущал абсурдность сдерживания себя от погружения в то, что представлялось ему интересным

Константин Кузьминский – человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андеграунда конца 1950-х – начала 1960-х, обладает феноменальной памятью на стихи. В 1960-х его комната во флигеле во дворе между Красной улицей и бульваром

Профсоюзов была местом литературных чтений, вечеров, выставок живописи и фоторабот, печати самиздата. Дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, стал образцом нового богемно-артистического стиля, под влиянием которого

в дальнейшем складывался быт многих квартир литераторов и художников. Кузьминского считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения [Кузьминский; Долинин. 2003].

Раннее обращение Голофаства к поэзии рассматривается его братом и друзьями по литературной студии как отдельный, самостоятельный факт его и их далекого общего прошлого. Мне же представляется, что в этом – ядро, суть понимания многого в его жизни. Для Голофаства – сначала было слово.

Рано возникло у Валерия Голофаства и критическое отношение к окружавшему его социальному устройству. В интервью Дмитрию Шалину (апрель 1990 года) он говорил: “Я был достаточно молодым человеком... Полная утрата иллюзий <произошла> где-то в середине правления Хрущева, потому что стало ясно, что все предложения фальшивые, абсолютно <все>. И никакой надежды, что они когда-то будут реализованы. То есть для меня никогда не было проблемы и, следовательно, для меня всегда существовал мир общественных правил игры и внутренний мир моего восприятия, моей оценки, который всегда был дистанцирован. Я мог принимать или не принимать политические конвенции, но это не имело значения. В общем, для меня <этот процесс> в моей биографии начался очень рано... Я научился спокойно переносить эту двойственность и особой проблемы не испытывал <...>, я знал, что существует другая жизнь, существует более широкий мир” [Шалин. 2008].

* * *

Мое изучение биографий представителей первых двух поколений советских / российских социологов позволяет заметить, что выбор ими специальности и начало социологической деятельности были прежде всего связаны с их стремлением к познанию и усовершенствованию общества, социальных отношений. Социологи третьего поколения были менее идеологически, граждански “заряжены”, и многие из них пришли в социологию, имея базовую специаль-

Став социологом, Голофаств одновременно оставался филологом, и слово всегда было для него важнейшим инструментом познания и описания реальности. В 1970–1990-е годы в социологии всем было сложно публиковаться, но “отягощенному” поэтическим опытом Голофаству это было сложнее, чем другим

ность, далекую от изучения социума. Есть группа ученых, которые пришли в социологию из журналистики, сменив профессию в силу возникшего у них стремления к более глубокому, теоретически фундаментальному пониманию той социальной реальности, которую они анализировали в прессе.

Движение в социологию Голофаства схематично можно описать так: поэзия, постепенно приобретающая философичность, – филология – философия – социология. При чем социология, не “господствовавшая” в то время в СССР. Вот слова из некролога, написанного В. Ядовым: “Валерий

Голофаств вошел в нашу команду, имея за плечами филологическое образование. Потому не случайно феноменологический подход к социальным проблемам был ему близок. Именно это имело неопределимое значение в сообществе «жестких позитивистов» [Ядов]. Отсутствие устремленности Голофаства к быстрой публикации результатов его исследований Ядов связывал со спецификой “понимающей” социологии и индивидуальными особенностями Валерия. С этим можно согласиться. Действительно, приверженность Голофаства к “понимающей” социологии и проделанная им в юности и ранней молодости работа со словом, его причастность к андеграундной “сайгонской” культуре, с одной стороны, делали невозможным для него принятие доминировавшего тогда идеологизированного языка советской социологии, с другой – препятствовали принятию его риторики структурами, определявшими, что можно публиковать, а что – нельзя. Став социологом, Голофаств одновременно оставался филологом, и слово всегда было для него важнейшим инструментом познания и описания реальности. В 1970–1990-е годы в социологии всем было сложно публиковаться, но “отягощенному” поэтическим опытом Голофаству это было сложнее, чем другим.

* * *

Здесь я должен сделать одно отступление “регионального” характера и пояснить значение использованного выше термина – “сайгонская” культура.

Ленинград всегда был городом, в котором одновременно с официальной культурой существовало множество андеграундных субкультур, либо пресекавшихся властью, либо частично разрешенных, но контролировавшихся идеологическими организациями и органами правопорядка. Одним из таких очагов андеграундной культуры было кафе, расположенное в самом центре города, на углу Невского и Владимирского проспектов. Формально это было кафе от ресторана “Москва”, но все, знавшие это место, называли его “Сайгоном”. В настоящее время признается, что “Сайгон” и еще несколько небольших кафе были местом, где развивалось творчество очень сильной группы поэтов, писателей и музыкантов, определивших ряд направлений в современной русской художественной культуре. К “сайгонавтам” относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа “митьков”, Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой.

“Сайгон” открылся осенью 1964 года, и на протяжении последующих почти двух десятилетий оставался для молодежи центром инакомыслия.

Атмосфера “Сайгона” была близка и ряду ленинградских социологов следующего поколения, которые в 1970-х встречали там хотя и иных людей, но такое же резкое отторжение императивов и норм советского общества. По мнению Бориса Гребенщикова (писавшего о себе: “Детство прошло в Сайгоне, / Я жил, никого не любя...”), “наиболее значимой для заведения была компания поэтов, познакомившихся в литературном клубе «Дерзание» при Дворце пионеров” [Гребенщиков]. Среди активистов этой группы он называет Елену Здравомыслову, плодотворно и многосторонне работающую сейчас в социологии. Ей принадлежит одно из наиболее интересных исследований природы “Сайгона” и его роли в ленинградской культуре: она называет его местом встречи, или социальным пространством общения ленинградских маргиналов, системным протестом против важнейших элементов существовавшей политической организации общества. “Люди «Сайгона», – пишет она, – создавали для себя гражданское общество. Они делали вид, что социалистический мир вокруг них не существует” [Здравомыслова].

* * *

Философия – это любовь к мудрости, филология – любовь к слову, но поскольку слово и есть мысль, легко понять, что эти науки находятся

Приведу несколько реми-нисценций о “сайгонской” атмосфере – людей, которые знали ее досконально.

В одной из эмигрантских рецензий Сергей Довлатов вспоминал: “Ну что «Сайгон»... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой, где встречались, пили кофе и портвейн, обменивались новостями, читали стихи. Юный лопух, случайный посетитель (сам был из таких) мог заметить только это. Но для своих, для посвященных (тут должны были совпасть не только место,

но время и поколение), «Сайгон» был непрерывно творимой легендой, продолжением петербургского мифа (у «них» – салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас – «Сайгон»), символом второй настоящей культуры, оказавшимся, как по заказу, напротив – на расстоянии Литейного – официальных цитаделей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. <...> Естественно, читались стихи, естественно, передавались рукописи, так что это время можно с полным правом окрестить как «сайгонский период русской литературы» [Пономарев. 2004].

Виктор Кривулин: “В «Сайгон» приходили люди и стояли, попивая кофе, минут сорок, час... <...> Поначалу были столики, за которыми сидели, но потом их заменили, и сиденьями служили разве что подоконники. Приносили с собой портвейн, распивали вместе с кофе... На это, как и на курение, смотрели сквозь пальцы. <...> Гэбэшники имели интерес к этому заведению и поэтому не прикрывали его – так было удобнее. Стояли, как все, пили кофе... Захожу, скажем, встаю рядом с человеком – и вспоминаю его лицо – он у меня на обыске был...” [Невский до и после...].

Голофаст искал форму выражения, риторику, близкую к поэзии. Ему нужны были емкие фразы, которые одновременно передают его мысль и активно инициируют со-творчество, со-размышления читателя

в постоянном взаимодействии, в некоторых случаях – в прямом соприкосновении. Так, согласно М. Гаспарову, история философии – глубоко филологическая дисциплина [Гаспаров. 2001].

Стремление к абстрактному, научному анализу природы этого диалога способно приносить человеку радость, но постоянное ощущение и переживание конфликта между этими науками во многом драматично. В отличие от многих других социологов, задумывающихся лишь о том, что сказать о социуме, Голофаст в равной мере был сконцентрирован и на мысли о том, как выразить итоги своих размышлений. Когда я сказал ему, что объем написанных мною сюжетов по истории американской рекламы и изучению общест-

венного мнения перевалил за миллион знаков, он ответил – “пиши романы” и затем: “А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей. А их не найти, особенно на предварительной стадии” (1 ноября 2004 г.). Мой ответ был: “Боюсь, что этот текст не сможет остаться маленьким.<...> Знаешь, как вода, пока мелко – трудно плыть, а на глубине вода держит... такой кайф... если море теплое... это я к тому, что пиши и высылай, я буду читать”.

Сейчас, перечитывая последние короткие статьи Голофаста [Голофаст. 2006-а], я начинаю понимать, что именно к этому жанру он шел, пробивался, ибо только в нем он в принципе мог в полной мере выразить себя. Что означает “тянет на афоризмы”? По большому счету, это указывает на то, что Голофаст искал форму выражения, риторику, близкую к поэзии. Ему нужны были емкие фразы, которые одновременно передают его мысль и активно инициируют со-творчество, со-размышления читателя. Зачем ему нужна была такая форма? Потому что о многом хотелось сказать, хотя бы обозначить, наметить. То не была некая универсалия, вокруг которой все другое естественным образом группировалось бы, располагалось, – то были суждения о многом, своего рода итоги тех циклов разговоров, начинавшихся с вводной “меня интересует”. Дмитрий Шалин, процитировав в своем эссе слова Голофаста о том, что его тянет на афоризмы, заметил: “По Тынянову, фрагмент и афоризм – жанр, наиболее созвучный романтической школе. В Валерии никогда не умирал поэт-романтик, хотя его воображение опосредовано философской рефлексией” [Шалин. 2008].

* * *

На мой рассказ о поиске фактов для моих исторических обобщений и новых гипотез Голофаст отреагировал следующей репликой (10 января 2004 г.): “Ты как ищейка, идущая по следу. Go, go, go...” Работая над этим текстом, мне тоже хотелось “поохотиться” и найти что-либо, позволяющее глубже понять истоки, мотивы работы Голофаста.

О. Божков в своих комментариях обращает внимание на датированные 1960 годом дневни-

ковые записи Голофаства, посвященные Леониду Борисову: «Маленький, сухонький, совершенно седой старичок с неожиданно громким, хотя и старческим уже голосом. Очень энергичный и горячий. Один из последних наших романтиков». Борисов говорил о Паустовском, Ахматовой, Блоке, Скрябине, Эренбурге» [Божков].

Знакомство с биографиями ученых и писателей позволяет утверждать, что в их памяти годами, десятилетиями хранятся факты и наблюдения, интуитивно селектируемые и откладываемые в кладовые сознания. Через много лет каким-то непонятным образом все всплывает, осмысливается заново и вплетается в их творческую жизнь, нередко определяя ее наиболее существенные грани. Возможно, еще в 1960-е годы биографические романы, повести и эссе Борисова чем-то заинтересовали Голофаства, видевшего себя литератором. Но, отказавшись от планов профессионально заняться литературой, он отошел от биографической тематики.

Прошло два десятилетия, и изучение биографий стало для Голофаства одним из доминирующих направлений его социологических исследований. Было бы хорошо, если бы его коллеги, продолжающие эту работу, вспомнили обстоятельства рождения биографического проекта и назвали факторы, определившие его развитие. Однако в любом случае это будут внешние, «проговаривавшиеся» моменты; мне же представляется, что один из интимных, не манифестировавшихся Голофаством мотивов разработки этой

тематики мог лежать в глубинах его сознания с далеких «досоциологических» времен как отклик на книги Борисова. Таким образом, ранний литературный опыт стал не только основой приверженности Голофаства к феноменологической социологии, но нашел отражение и в его биографических исследованиях.

***

В связи с обсуждением моей работы над биографией Арчибальда Кроссли (одного из «отцов-основателей» опросов общественного мнения в США) и намерением привести в ней письма его дочери, Голофаств заметил: «Но ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост-модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков» (23 января 2004 г.). Не обратив внимания на два «пост», я сразу ответил: «Да, буду постмодернистом...» И здесь же – от Валерия: «...Пост – это уже давно не ново» (23 января 2004 г.).

Помня о совете Голофаства быть постпостмодернистом, я обозначаю один сюжет, связывающий траектории развития литературы и социологии в СССР, о котором – вполне возможно – размышлял Голофаств, интересовавшийся историей. Речь пойдет об академике Георгии Федоровиче Александрове (1908–1961), с деятельностью которого иногда связывают (а при определенном развитии событий в стране могут связать крепче) становление советской постхрущевской социологии. Голофаств мог впервые услышать эту фамилию в разговорах с Борисовым.

Леонид Ильич Борисов (1897–1973) пережил многое. Было время, когда его не публиковали и приходилось зарабатывать на жизнь литературной поденщиной, но все же его миновали аресты и лагеря. Начинать он как поэт в 1916 году, сразу после окончания гимназии. Его первый роман «Ход конем» (1927 год) был высоко оценен Горьким [Борисов...]. В докладной записке о деятельности журналов «Звезда» и «Ленинград», послужившей поводом к их разгрому

в 1946 году, отмечалось: «На страницах «Звезды» ведется пропаганда идеалистических взглядов на искусство. Повесть Л. Борисова «Волшебник из Гель-Гью» (№ 4, 5–6 за 1946 г.) сплошь заполнена призывами уйти от действительности в область «сладостных легенд», «в мир фантастики и чистой выдумки». Образ писателя Грина, являющегося героем этой повести, идеализируется как образ мечтателя, человека «не от мира сего», погруженного в свои бесконечные фантазии»

[Докладная записка...]. Сам Борисов считал, что туча над его головой прошла мимо, так как его защитил Сталин, которому – «как кавказцу» (слова Борисова) – эта повесть понравилась [Давыдов. 2003]. В коротких справках о творчестве Борисова отмечается, что начиная с 1940-х годов он много работал в области биографической прозы и писал преимущественно о жизни русских и зарубежных писателей и композиторов (А. Грин, Ж. Верн, Р. Стивенсон, С. Рахманинов и др.).

Г. Александров, будучи многие годы начальником

Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), был одним из инициаторов – или активных участников – разгрома журналов “Звезда” и “Ленинград”, состоявшегося в 1946 году и надолго определившего особенности развития ленинградской (и советской) литературы. В 1949 году, когда он руководил Институтом философии АН СССР и принимал деятельное участие в борьбе с “безродными космополитами”, в центре его внимания были философия и наука в целом. Парадокс эпохи заключался в том, что борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом напрямую коснулась и самого Александра. Его книга “История западноевропейской философии” (1946) была подвергнута, говоря словами того времени, критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, отсутствие должного напора в критике философских противников. С приходом к власти Н. Хрущева Александров в силу разных обстоятельств был снят с ряда высоких государственных постов, отстранен от исполнения обязанностей депутата Верховного Совета и “отправлен в ссылку” – руководить сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН Белоруссии.

В 1955 году Александров начал читать в Белгосуниверситете

спецкурс “История социологических учений”, а в 1958 в Минске вышла его книга “История социологии как науки” – это была стенограмма его лекций. Через год он опубликовал еще две работы: “Очерк истории социальных идей в древней Индии” и “История социологических учений: Древний Восток”.

В каталоге Российской национальной библиотеки отражена и более ранняя публикация Г. Александрова (1948 год), имеющая отношение к социологии: это стенограмма его публичного выступления “Банкротство буржуазной социологии” в Центральном лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве [Александров. 1948].

Сюжет с деятельностью Г. Александрова является продолжением обсуждения с Валерием некоторых аспектов развития современной советской социологии, которое, по сути, происходило на наших глазах. Тогда он написал (9 декабря 2003 г.): “Собственно, меня самого интересует, кто первый сказал “Да” и где: среди философов, в ЦК и пр.” Очевидно, что рассмотрение вопроса о генезисе постхрущевской социологии требует прочтения и оценки многого, что дискутировалось в советской литературе и отражено в ряде официальных документов по поводу места социологии в системе советского обществоведения и роли тех или иных ученых в становлении

этой науки. Более десяти лет назад Г. Батыгин и И. Девятко писали, что к 1956 году в Советском Союзе было по крайней мере два человека, активно работавших в области социологии [Батыгин, Девятко. 1994]. Первым назывался Г. Александров, вторым – Марк Петрович Баскин (1899–1964). В действительности здесь не все однозначно, и предстоит понять, создавали ли указанные книги Александрова предпосылки для начала теоретико-эмпирических исследований общества в СССР или то были работы в области идеологии или социальной философии. Во всяком случае, мне не припоминаются ссылки на указанные выше публикации Александрова в пионерных работах советских социологов первых поколений; не цитируются его книги и в “Лекциях по социологии” Ю. Левады.

Мои обсуждения с А. Здравомысловым и В. Шляпентохом позволяют предположить, что труды Г. Александрова не имели заметного значения для развития социологии в СССР. В справедливости этих предположений меня укрепил И. Кон, недавно написавший мне: “...Никакого интеллектуального содержания в его [Александрова] книгах нет и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал” [Электронное письмо Кона].

Дважды Голофасту пришлось пережить серьезные неприятности в связи с жесткой идеологической критикой его работ. Первый раз – когда руководством Института социально-экономических проблем АН СССР была приостановлена – уже на этапе вычитки корректуры – его с соавторами работа над книгой “Семья в крупном горо-

де” [Божков, Протасенко. 2005; Докторов. 2005]. Второй – когда профессор Б. Парыгин необоснованно раскритиковал его материалы, подготовленные для книги трудов одного из советско-венгерских семинаров в Ленинграде. Итог был тем же: сборник не увидел света. Сегодня я думаю, что во всем этом Голофаст мог видеть элементы борь-

бы с космополитизмом, что, безусловно, обсуждалось в “сайгонской” среде. Ведь в основном предъявлявшиеся ему обвинения сводились к низкому идейно-теоретическому уровню, недооценке своеобразия развития советского общества, к увлечению западными концепциями.

Подытоживая воспоминания о Голофасте как начинавшем поэте, Кузьминский писал: “...Но судьбу Голофаста я тоже на Советы записываю. Счетик им предстоит – за многих...” [Голофаст. 2006-б]. К сожалению, эти слова относятся и к тому, что происходило в жизни Голофаста-социолога.

* * *

В настоящем очерке были намечены общие методологические подходы к изучению биографий и сопряжению биографического с историческим, о которых многие годы размышлял Голофаст и которые мы пытались обсуждать с ним в нашей переписке “сразу обо всем”. Наша электронная беседа прервалась более трех лет назад, когда я только приступал к обобщению материалов по истории становления исследований общественного мнения в США [Докторов. 2006] и когда были закончены первые биографические интервью с российскими социологами. Я не могу сказать, что в моей последующей работе я пользовался какими-либо специальными, профессиональными советами Валерия; кто помнит его, понимает, что он таких советов и не давал. Но мне ясно и то, что многое в моем видении природы историко-научоведческих поисков, в которых изучение биографий творческих людей является центральным элементом и цементирующим составом, навеяно реальным и мысленным диалогом с Голофастом.

На следующий день после смерти Геннадия Батыгина Валерий написал: “В таких случаях всегда восклицаешь: не может быть... <...> Только два дня назад я прочел 4-й номер за прошлый год, который Гена прислал. Круг сужается. Ты ведь знаешь ощущение – вокруг много незнакомых людей” (2 июня 2003 г.).

“Не может быть!” – говорил и я себе, когда получил от Оксаны Голофаст сообщение о смерти ее отца. Написанный мною некролог завершался словами: “Я посмотрел мои публикации по-

следних лет... чаще всего я благодарил в них за помощь Валерия Голофаста... спасибо, Валерий... я понимаю, что без тебя мой интеллектуальный мир станет много беднее... а значит, и все остальное будет серее...” [Докторов. 2004]. Так оно и оказалось... ■

Литература

- Александров Г.Ф.* Банкротство буржуазной социологии / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М.: Правда, 1948.
- Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы): Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.
- Божков О.* Эскиз портрета друга <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriain/golofast_bozhkov.html>
- Божков О., Протасенко Т.* “Гляжу в себя как в зеркало эпохи” // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 2–13.
- Божков О.Б.* Разнообразие интеллектуальной биографии // Право на имя. Биография вне шаблона. СПб.: НИПЦ “Мемориал”, 2006. С. 146–156.
- Борисов Леонид Ильич* <http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=12418>
- Гаспаров М.Л.* Примечание псевдофилософское // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 100–102. <<http://nevmenandr.net/scientia/gasparov-pseudo.php>>
- Голофаст В.* Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006.
- Голофаст В.* У голубой лагуны // Антология новейшей русской поэзии: Т. 5-А / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. С. 260–266 <http://kkk-blue-lagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#1>
- Голофаст В.Б.* Проблемы изменения семьи в современной американской социологии. (Критический анализ). Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М.: АН СССР; Институт философии, 1972.
- Гребенищikov Б.* Сайгон <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/saigon.htm>>

- Давыдов А.* Писатель Леонид Борисов // Нева. 2003. № 11 <<http://magazines.russ.ru/neva/2003/11/davydov.html>>
- Докладная записка управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”. 7 августа 1946 г. <http://www.sovlit.ru/articles/zapiska_zhdanovu_1946.html>
- Докторов Б., Ядов В.* Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. (В печати).
- Докторов Б.* Валерий Борисович Голофаст (1941–2004) <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_indiv2.htm>
- Докторов Б.* Жизнь в поисках “настоящей правды”. Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0706-067-081.pdf>>
- Докторов Б.* Как это было-2. Анатомия закрытия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 14–16.
- Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
- Долинин В.Э., Северюхин Д.Я.* Преодоление немоты. <<http://www.polit.ru/country/2003/07/25/621950.htm>>
- Здравомылова Е.* Кафе “Сайгон” как общественное место. <http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Zdravomyslova.pdf>
- Константин Кузьминский:* Умеренности я в себе не наблюдаю, ни в чем... <http://www.pchela.ru/podshiv/12/no_measure.htm>
- “Мы формировались во времена отрицания” (Интервью М. Тарусина Б. Докторову) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55–79 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0707-055-079.pdf>>
- Невский до и после великой кофейной революции. Интервью с Виктором Кривулиным <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/coffee.htm>>
- Проект “Международная биографическая инициатива” <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>
- Пономарев И.* Неформалы на Невском // Нева. 2004. № 3. <<http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/ponom22.html>>
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 1999.
- “Советские социологи лучше американцев в организации опросов” (Интервью В. Шляпентоха Б. Докторову) // Социальная реальность. 2006. № 12. С. 67–81 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0612-067-077.pdf>>
- “Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...” (Интервью Е. Петренко Б. Докторову) // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 79–95 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0702-079-095.pdf>>
- Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. 2-е изд. М.: ИС РАН, 1998.
- Травин И.И.* “В социологию я пришел совершенно сознательно” // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 9 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203611700419046file.pdf>
- “У нас был “генетический” иммунитет недоверия к любым формам власти” (Интервью Франца Шереги Борису Докторову) // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 65–83 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0709-065-083.pdf>>
- Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.
- Шалин Д.Н.* Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/saganenko_golofast.html>
- Электронное письмо Г.Б. Голофаста Б.З. Докторову от 10 января 2008 г.
- Электронное письмо И. Кона Б. Докторову от 3 марта 2008 г.
- Ядов В.А.* Валерий не скупился на разбрасывание идей <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm>